

ОТ АВТОРА

Предлагая вниманию читателя сборник статей, написанных мной в разные годы, а теперь — в некоторых случаях и в разной мере — исправленных и дополненных, я не склонен ждать, что каждый, их прочитавший, согласится со всеми высказанными в них взглядами и мнениями. Конечно, убедить в своей правоте было бы мне лестно и желательно, но не эту цель ставил я перед собой, замышляя сборник. Прежде всего, я видел свой долг в том, чтобы привлечь внимание к одной из ключевых искусствоведческих проблем — проблеме тектоники, понимаемой как образ механической стабильности/нестабильности вместе со всей совокупностью его символических значений. Под углом зрения тектоники рассмотрел я здесь и вопрос восприимчивости/невосприимчивости к антично-классической традиции в художественной культуре Нового времени. А кроме того, для меня, как автора, было важным через статьи данного сборника познакомить читателя с разработанным мной интердисциплинарным (искусствоведческим и литературоведческим одновременно) методом анализа визуально-пластических образов литературного текста. Остаюсь в надежде, что данный метод привлечет внимание тех, кого интересует художественная образность, в том числе профессиональных культурологов, литературоведов и историков искусства.

Пользуясь случаем, выражаю мою глубокую и самую искреннюю признательность всем тем, кто так или иначе помогал мне в подготовке данной книги к изданию, и прежде всего ее внимательным рецензентам, профессору Московского архитектурного института И.Е. Путятину, главному научному сотруднику НИИ РАХ, члену-корреспонденту РАХ М.Н. Соколову, старшему научному сотруднику Лаборатории античной культуры Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС М.В. Шумилину, добрым, чутким и отзывчивым сотрудникам Отдела монументального искусства и художественных проблем архитектуры, с которыми я имею ни с чем не сравнимое удовольствие работать вместе, и особенно М.Г. Пивень за ее ценные замечания, а также, — как и всегда в подобных случаях, — моим заботливым покровительницам, сестрам В.Ю. и И.Ю. Станковским.

АНТИЧНОСТЬ

МОРАЛЬ И ТЕКТОНИКА: ВИЗУАЛЬНО-ПЛАСТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ОППОЗИЦИИ ТРОЯНЦЫ — АХЕЙЦЫ В «ИЛИАДЕ»*

В XII книге своих наставлений в красноречии (10, 5) Квинтилиан, который, следуя сложившейся в античной литературной критике традиции, вообще довольно часто сопоставляет стилевые особенности произведений словесности, с одной стороны, и пластических искусств — с другой, указывает, что живописец Зевксид, почитавшийся в древности одним из корифеев искусства греческой классики (жил в V — начале IV в. до н. э.), стремясь к выявлению материальной плотности изображаемых им тел и с этой целью разработав способ светотеневой моделировки¹ (*luminum umbrarumque invenisse rationem*), «следовал в этом Гомеру, который особую весомость [иначе: «осязаемость», «плотность»] формы ценит [во всем, и] даже в женщинах (*Homerum secutus, cui validissima forma etiam in feminis placet*)».

И в самом деле, приглядевшись внимательно к гомеровским персонажам, отметим, что, будучи подлинно классическими по своему внутреннему складу, они получили в поэмах Гомера адекватную этому свойству пластическую интерпретацию, которая настолько поражает своей поистине стереометрической телесностью и мощной тектоникой, что заставляет вспомнить классические шедевры Фидия и Поликлета, а с ними и фигуры фронтонов храма Зевса в Олимпии.

Не склоняет ли такая ассоциация к мысли о стилевой общности этих созданий столь разных искусств и столь далеких друг от друга периодов? Конечно, применительно к пластическим искусствам тезис, по которому классический стиль возник в Афинах V в. до н.э., совершенно безупречен. Но, будучи отнесен к художественному творчеству в целом, он оказывается недопустимо категоричным, игнорируя по крайней мере один, но при этом основной памятник античной литературной классики — гомеровские поэмы, а возникли они еще в VIII в. до н.э.

* Статья впервые опубликована в сб.: Искусство как сфера культурно-исторической памяти. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2008. С. 286–302.

¹ Вероятно, имеется в виду особый, отличающийся от первоначального, разработанный Аполлодором (*Плутарх*, О славе афинян 2), старшим современником Зевксиды, метод светотеневой передачи объема.

Предвосхищая последующее, скажу, что классическое у Гомера сказывается не просто в уникальной пластико-тектонической выразительности его визуальных образов, но и в особом использовании тектоники как символа моральной ценности: устойчивое равновесие в сочетании с прочностью служит Гомеру знаком благого и сохраняющего, тогда как отсутствие равновесия выступает у него как примета деструктивной силы. Это и есть та особенность, которую я попытаюсь показать далее на примере «Илиады».

Внимательное чтение поэмы позволяет увидеть, что, несмотря на единый эпически-величавый тон повествования, отношение самого повествователя к обеим сторонам троянского конфликта существенно разнится, причем ахейская сторона выступает в несравненно более благоприятном свете, нежели троянская². Причина такого различия состоит конечно не в том, что — как иногда уверяют — Гомер, будучи сам греком, склонен был симпатизировать греческой (т.е., в данном случае, ахейской) стороне. Уже само понятие «склонность» плохо согласуется с классической природой гомеровского мировидения. Разница в оценке Гомером сторон троянского конфликта обусловлена тем, что троянцы, упорно удерживая, согласно фабуле поэмы, похищенную супругу одного из ахейских царей, выступают нарушителями священных для человека гомеровской эпохи основ семейного и социального порядка, тогда как настаивающие на ее возвращении ахейцы призваны этот порядок защитить и восстановить. Таким образом, Гомер в своей «Илиаде» выступает не как обвинитель или защитник, но как беспристрастный судья, который, однако, выносит свой суд согласно законам, действующим в его время. Соответственно троянцы Гомера

² Обширная научная литература, показывающая неравную оценку враждующих сторон в «Илиаде», существует уже с давних пор. Из относительно новых исследовательских работ на эту тему можно назвать следующие: *Wathelet P.* Les Troyens vus par Homère // *Quaestiones Homericae*. Louvain, 1998. P. 292–305; *Hainsworth J.B.* The Iliad: A Commentary. Vol. 4. Cambridge, 1993 (ad II. IX, 233); *Valk M. van der.* Homer' Nationalism, again // *Mnemosyne*. Vol. XXXVIII, Fasc. 3–4 (1985); *Pincet J.* The Trojans in the Iliad // *The Trojan War: Its Historicity and Context*. Bristol, 1984. P. 141–62; *Richardson N.* Literary Criticism in the Exegetical Scholia to the Iliad: A Sketch // *Classical Quarterly* 30/2 (1980). P. 265–87; *Kakridis J.Th.* Homer Revisited (Publications of the New Society of Letters at Lund, 64). Lund, 1971. P. 54–67; *Armstrong C.B.* The Casualty Lists in the Trojan War // *GR* 16 (1969). P. 30–31.

Но и противоположный взгляд, согласно которому Гомер оценивает обе стороны конфликта в целом одинаково, иногда находит свое выражение в специальной литературе последних лет. См., например: *Heath J.* The talking Greeks: Speech, Animals and the Other in Homer, Aeschilus and Plato. Cambridge, 2005. P. 62 (note 73); *Erskine A.* Troy between Greece and Rome: Local Tradition and Imperial Power. L., 2003. P. 51. Ниже я попытаюсь показать, что подобное мнение игнорирует как данные самого текста «Илиады», так и исторически обусловленную этическую позицию людей эпохи, в которую жил Гомер.

еще очень далеки от тех благородных героев, какими они предстают в «Энеиде» Вергилия, а тем более — от безупречных рыцарей, какими их живописует повествовательная традиция христианской Европы³.

Впрочем, троянцы «Илиады» несомненно благочестивы. Если судить по количеству упоминаний в тексте, среди них много жрецов и прорицателей; они приносят богам частые и обильные жертвы, устраивают пышные молебны и в этом превосходят всех, не исключая своих неприятелей ахейцев (которые забыли — а быть может, и просто не успели — принести положенную жертву после срочного возведения оборонительной стены у своего лагеря, чем и навлекли на себя гнев Посейдона⁴). За такую щедрость многие боги, включая Зевса, благоволят обитателям Трои. Тем не менее преимущественно к данной ритуальной стороне и сводится троянское благочестие⁵. В остальном же поведение гомеровских троянцев часто оказывается дерзким вызовом божественному миропорядку⁶, и прежде всего тем могущественным богам, чья основная функция — блюсти патриархальные нормы и основанную на них социальную стабильность, таким как Афина и Гера. Зато боги разрушительно-производительных сил природы — Арес, Афродита, Аполлон⁷ (мантическое действие которого традиционно связывалось с подземными испарениями и экстазом) активно им содействуют⁸. Неслучайно в троянской среде так много прорица-

³ Соответственно и враги троянцев предстают в ней как коварные лжецы. См.: *Rein-er E.R. The Ambiguous Greek in Old French and Middle English Literature: Thesis / Univ. of Toronto, Centre for Medieval Studies). Toronto, 2008.*

⁴ VII, 445-53.

⁵ Говоря о своей благосклонности к Трое и Гектору, боги указывают иногда на щедрость приносимых троянцами и троянским царевичем жертвенных даров как на причину (Зевс — VI, 44-9; XXII, 168-73; XXIV, 66-70; Аполлон — XXIV, 33-4). Но эта причина — единственная ими называемая.

⁶ О гордыне троянцев и их союзников часто говорит повествователь (III, 19, 22, 36; VIII, 533; XI, 296; XIII, 413; XIV, 453, 458; XV, 573; XVII, 59; XXI, 179, и др.); о том же постоянно говорят и персонажи-ахейцы, в том числе осторожный в суждениях Нестор: I, 255; XV, 376.

⁷ О мрачной хтонической природе гомеровского Аполлона см.: *Лосев А. Ф. Гомер. М., 2006. С. 337.*

⁸ С другой стороны, Посейдон занял сторону ахейцев несмотря на то, что его божественная сущность сопряжена с темной стихией морской воды. Но его позиция в Троянском конфликте не такая определенная и последовательная, как позиция Геры или Афины. Так, в отличие от Геры (IV, 51-2), Посейдон ни разу не высказывает любви к ахейцам и их городам, зато добивается от Зевса позволения разрушить возведенную ахейцами оборонительную стену (VII, 446-63); он также спасает Энея от руки Ахилла, в то время как Гера, вопреки воле Зевса, отказывается это сделать (XX, 288-317). Но в полной мере подлинно антиахейские и протроянские установки Посейдона проявляются уже после событий, представленных в «Илиаде», когда он, оказавшись в собственной, морской стихии, выступает как беспощадный губитель ахейских кораблей («Илиада»)

телей, ведь Трое покровительствует сам Аполлон! Что же до Зевса, то его отношение двойственно: благосклонный к «священной Трое», он одновременно питает ненависть к роду Приама⁹.

Глубинное сродство троянцев и их союзников с миром иррационально-хтонических сил помимо прочего сказывается в особой биологической продуктивности, многим из них свойственной. Приам, например, имеет 50 сыновей и 12 дочерей¹⁰; у Андромахи семеро братьев¹¹; по меньшей мере семь сыновей имеет Антенор¹². Напротив, семьи ахейцев, согласно эпической традиции, весьма немногочисленны¹³; исключение представляет лишь Нестор, который со своими семью сыновьями и дочерью¹⁴ сравнительно многодетен, и в этом он подобен своему отцу Нелею (который, кстати заметить, был сыном Посейдона¹⁵).

В «Илиаде» троянцы показаны чрезвычайно женолюбивыми; характерен уже тот фурор, который среди троянских старцев (!) вызывает красота Елены при ее появлении на Скейской башне, и это – именно в тот момент, когда под этой самой башней должна была решаться судьба Трои¹⁶. О Парисе в данной связи можно было бы вообще не говорить – так знаменит он как дамский угодник, – если бы не одна сюжетная деталь, которая при соответствующем сравнении выразительно подчеркивает его отличие от ахейцев. Так, в ответ на требование вернуть Менелаю похищенные у него имущества и Елену он под давлением обстоятельств соглашается отдать имущества, но наотрез отказывается вернуть Елену ее супругу¹⁷. Напротив, Ахилл, хотя он и признался однажды, что любит Брисеиду, и заявил при этом, что ставит свою связь с ней на один уровень неприкосновенности с бра-

и, с другой стороны, как защитник возглавляемого Энеем троянского флота («Энеида»). Да и вся его враждебность к троянцам выглядит скорее временным следствием обиды, которую ему нанес однажды их царь Лаомедон (XXI, 441-57), нежели выражением какого-то исконного неприятия, тогда как мечь двух богинь обидевшему их Парису, упомянутая в последней песни «Илиады» (XXIV), предстает в контексте поэмы лишь как дополнительный раздражитель исконной ненависти обеих к Трое и троянцам.

⁹ Об этой ненависти Зевса говорит Посейдон: XX, 306. О ненависти к Трое богов вообще, проявляющейся в их отказе принимать от троянцев жертвы, см.: VIII, 550-2.

¹⁰ VI, 243-50. Так что совсем не случайно в своей бурлескной комедии «Улисс Итальянский» (1723) датский драматург Людвиг Хольберг переименовал Приама в Приапа.

¹¹ VI, 421.

¹² См. рассеянные в тексте упоминания: XI, 59-60, 221, 249-50; XV, 463-4; XX, 395.

¹³ См., например: *Одиссея* XVI, 117-20, где Телемах говорит, что три поколения подряд в его роду имеют по одному лишь наследнику, в том числе его отец Одиссей.

¹⁴ Там же III, 111-2, а также 412-5 и 464-5.

¹⁵ Там же XI, 245-54.

¹⁶ III, 154-6.

¹⁷ VII, 362-4.

ком Менелая и Елены¹⁸, соглашается ради прекращения начавшегося конфликта с Агамемноном отдать из своей доли добычи Брисеиду, но не имущества¹⁹.

В гомеровской интерпретации троянцы, как правило, инфантильны. Они капризны и своевольны, когда располагают властью²⁰, и, наоборот, раболепны, если находятся в подчинении. Ребяческий эгоцентризм столь же закономерно проявляется в тщеславии и самонадеянности троянцев, не желающих прислушиваться к советам немногих благоразумных своих сограждан — Антенора, Полидамы, Гелена, — зато легко поддающихся порывам безрассудной отваги, которая оборачивается робким бегством или даже мольбой о пощаде при столкновении с силой неприятеля. Вообще в отношении воинской доблести троянцы и их союзники существенно уступают ахейцам. Так, на всем протяжении поэмы ахейское войско бежит от троянского 7 раз²¹, при этом 3 раза — под действием грозного знамения или страха, посланных свыше и специально упомянутых в тексте²²; тогда как троянское от ахейского — 13 раз²³, при этом лишь один раз страх троянцев усилен внушением божества²⁴. Коллективное бегство ахейцев всего 2 раза охарактеризовано как паническое²⁵, тогда как бегство троянцев — 6 раз²⁶. При этом если паника в рядах ахейцев ни разу не связывается в тексте с такими ее последствиями, как давка, ущерб своему боевому снаряжению или нарушение воинского долга, то паника у троянцев 2 раза вызывает давку²⁷, один раз — падение колесниц в ров у крепостной стены²⁸, 2 раза — коллективное нарушение воинского долга²⁹, а следовательно, в 5 случаях из 6 представ-

¹⁸ IX, 332-43.

¹⁹ I, 377-44.

²⁰ Лабильность троянской психики с особой наглядностью проявляется в трагикомическом поведении старого Приама, скорбящего об утрате Гектора. Он то оплакивает погибшего сына, то грубо гонит прочь почтенных визитеров, пришедших выразить соболезнование, то внезапно начинает колотить палкой своих сыновей-царевичей и братьев их без разбора (XXIV, 237-64).

²¹ VIII, 75-81; XII, 39; XV, 319-26; XVII, 275, 593-646, 755-9; XVIII, 148-50.

²² VIII, 75-81; XV, 319-26; XVII, 593-646.

²³ VI, 74-115; XI, 120-1, 165-80; XIV, 506-7; XVI, 290-1, 294-5, 331, 366-76, 656-60; XVIII, 230; XXI, 6, 526-9, 537-544.

²⁴ XVI, 656-60.

²⁵ XVII, 755-9; XVIII, 148-50.

²⁶ XI, 120-1; XVI, 331, 336-76, 656-60; XVIII, 230; XXI, 6.

²⁷ XVI, 331; XVIII, 230.

²⁸ XVI, 366-76.

²⁹ XI, 120-1; XVI, 656-60.

лена как достигающая крайних пределов. Еще менее выгодным для троянцев оказывается сравнение числа отдельных беглецов, принадлежащих к каждой из двух воюющих сторон. У ахейцев таких беглецов двое — Одиссей и юный Антилох³⁰, у троянцев — 17³¹, причем если обоих ахейцев обратил в бегство сильнейший среди троянских воинов, Гектор, то отдельные троянцы бегут от самых разных по степени своей доблести ахейских героев (например, от Мериона³²).

Примечательно и то, насколько отступление связано у каждой из сторон с изменой воинскому долгу. Согласно «Илиаде», ни один ахеец, отступая, не оставляет лежать на поле боя тело погибшего соратника; напротив, троянцы допускают подобное 4 раза, притом 3 раза это делает Гектор³³, а в четвертый раз — он же вместе со вторым после него по доблести троянцем, Энеем³⁴. Ахейцы бросают своего соратника в опасности лишь один раз (Одиссей в упомянутом выше случае бегства), троянцы — 3 раза, причем 2 раза это делает опять-таки Гектор, не откликнувшись на призыв о помощи со стороны раненого Сарпедона³⁵. Троянцы 6 раз обращаются к противнику с мольбой о пощаде, когда им грозит гибель³⁶, ахейцы не делают этого ни разу.

Что касается сильнейшего из троянцев, Гектора, то его сам повествователь однажды характеризует как уступающего в силе Аяксу³⁷, который среди ахейцев является вторым после Ахилла. Особенно отчетливо сдержанное отношение повествователя к Гектору выражено в звучащем иронически замечании по поводу победы, одержанной троянским предводителем над не самым значительным ахейским воином по имени Перифет, когда этот последний споткнулся и упал навзничь, т.е. был не в состоянии обороняться: «Гектору он высокую славу доставил»³⁸.

Свойственный троянцам инфантилизм выражается в их импульсивности, внезапной и легко провоцируемой смене настроений, чему

³⁰ VIII, 97; XV, 582-90.

³¹ III, 30-7; V, 20-1, 40, 55-7, 65, 73, 80; VIII, 257-60; XI, 446-8; XIII, 434-8, 566-9; XIV, 515; XVI, 308, 367, 812-5; XVII, 578-80; XX, 136-204.

³² V, 65; XIII, 566-9.

³³ VIII, 124-6, 316-7; XVI, 656-60.

³⁴ XVII, 531-6.

³⁵ XI, 120-1 (троянцы в массе); V, 689-91 (Гектор, не откликающийся на призыв Сарпедона); XVI, 367-9 (Гектор).

³⁶ VI, 45-50; X, 377-81, 454-5; XI, 129-35; XX, 463-4; XXI, 74-96.

³⁷ XI, 543.

³⁸ XV, 644.

наглядным примером может служить тот же Гектор³⁹. Импульсивность троянцев обыкновенно побуждает их к словесной невоздержанности⁴⁰, нередко вызывая между ними шумные перебранки, беспорядок и толчею. Так, готовясь к выступлению против врага, они шумят и суетятся⁴¹, а на подступах к врагу громко кричат — то как журавли⁴², то как блеющие овцы⁴³; в то же время идущие им навстречу ахейцы хранят молчание⁴⁴; троянские старцы трещат как цикады⁴⁵, что едва ли совместимо с образом степенного патриарха (ср. ахейца Нестора); совет у троянцев определен как «ужасно возбужденный» (δεινὴ τετρήχυϊα)⁴⁶; другой совет, тот, что у Приама, очевидным образом нарушает высоко ценимый человеком гомеровского времени принцип патриархальной пристойности, требующий соблюдения ранговых и возрастных градаций: «Все собрались в одном месте, как молодые, так и старые»⁴⁷. И наконец: ночной тишине в ахейском лагере⁴⁸ противопоставлено звучание духовых инструментов и «смутный шум людской» в стане троянцев⁴⁹.

³⁹ См. XIII, 768–72, где разгоряченный сражением Гектор обрушивается на Париса с несправедливыми — в этот раз — упреками. Парис оправдывается и Гектор успокаивается. Но нрав Париса проявляет себя еще менее постоянным и более капризным. Так, утром предлагает он решить судьбу войны и Елены своим поединком с Менелаем (III, 50–75), скорее всего легкомысленно рассчитывая на собственную победу, а вечером того же дня решительно отказывается, несмотря на свое поражение в поединке, исполнить это им же самим предложенное, а затем закрепленное в договоре и освященное обетами условие.

⁴⁰ Характерно одно замечание касательно Париса, которое в ходе переговоров с ахейцами мимоходом роняет посланник Приама, знатный троянец Идеи: ὄς πρὶν ὄφελλ' ἄλολόεθα: («лучше бы он прежде умер!» — VII, 390). Конечно, читателю «Илиады» нетрудно понять негодование Идеи, выраженное в этих словах, ведь Парис источник бедствий его города. Но Парис одновременно и царский сын, чью волю царь сделал своей собственной! С учетом этого обстоятельства то эмоциональное излияние, которое позволил себе Идеи, оказывается унижением достоинства своего сюзерена перед лицом врага и нарушением долга посланника в отношении пославшего. Само собой разумеется, что человеку гомеровского общества подобное поведение должно было представляться невоздержанным и безответственным.

⁴¹ II, 810.

⁴² III, 2–3.

⁴³ IV, 433, 435.

⁴⁴ III, 8–9; подобное см.: IV, 429–31.

⁴⁵ ...τετρήγεσσιν εὐοικότες οἱ τε καθ' ἕλην | δεινδρέφ' ἐφεξόμενοι ὅσα λειριόεσσαν... (III, 151–2).

⁴⁶ VII, 345–6.

⁴⁷ πάντες ὁμηγερέες ἡμὲν νέοι ἠδὲ γέροντες (II, 789).

⁴⁸ X, 1–2.

⁴⁹ X, 13.

Поскольку гомеровские троянцы, равно как и их союзники, непомерно тщеславны и хвастливы, они охотно облачаются в роскошные одежды и дорогие доспехи, с удовольствием носят дорогое оружие. Так, о предводителе карийцев — Настесе сказано, что он «шел на битву, украшенный золотом словно дева» (ὄς καὶ χρυσοῦν ἔχων πόλεμον δ' ἔην ἠῦτε κοῦρη)⁵⁰. Также и Парис идет в сражение укутанный в шкуру леопарда⁵¹ (что одновременно должно подчеркнуть его изнеженность)⁵²; когда Евфорб является на поле брани, его кудри украшены золотыми и серебряными заколками⁵³; в эпизоде, где два участника поединка по его окончании меняются своим снаряжением⁵⁴, золотому доспеху ликийца Главка противопоставлен скромный бронзовый ахейца Диомеда; особо подчеркнута роскошь колесницы фракийского царя Ресса, украшенной золотом и серебром⁵⁵, а также его золотого доспеха, о котором сказано, что «не людям, но бессмертным богам его носить подобает» (ясный намек на нечестивую заносчивость⁵⁶). И как неизбежное следствие троянской любви к роскоши выступает в поэме продажность троянцев; так, Парису удастся подкупить «золотом» одного из самых влиятельных троянских старейшин, Антимаха, с тем чтобы тот воспрепятствовал решению совета о выдаче ахейцам Елены⁵⁷.

В плане антитезы *троянцы — ахейцы* показательно еще и то, насколько существенно различается отношение двух наиболее представительных — каждого для своего лагеря — героев, Гектора и Ахилла, к их предрешенной высшими силами гибели и тем самым опосредованно к воле богов. Так, Ахилл идет навстречу своей судьбе совершенно сознательно и без колебаний, хотя и знает, что ему дозволено избежать рокового конца ценой отказа от посмертной славы. Также и Гектор, казалось бы, знает о своей предстоящей гибели; по крайней

⁵⁰ II, 872; сразу за этим (873-5) следует саркастическое замечание о дальнейшей судьбе этого золота и самого Настеса.

⁵¹ III, 16-7.

⁵² Впрочем и ахейцы, Агамемнон и Менелай, однажды надевают на себя первый львиную (X, 23-4), второй леопардовую (29-30) шкуру, но случается это холодной ночью, причем оба вождя идут не сражаться, а заседать в совете.

⁵³ XVII, 51-2.

⁵⁴ VI, 234-6.

⁵⁵ X, 438-41. С другой стороны, также и ахеец Диомед на поминальных играх после погребения Патрокла состязается стоя в украшенной золотом (и оловом) колеснице (XXIII, 503). Но эта столь дорогая колесница — боевая добыча, отнятая Диомедом у Энея (290-2).

⁵⁶ Другое дело — роскошнейшее, но не человеческой рукой изготовленное и божеством дарованное вооружение Ахилла (XVIII, 368-XIX, 13).

⁵⁷ XI, 123-5.

мере, он говорит об этом в той самой сцене прощания с Андромахой⁵⁸, которая с давних пор привычно толкуется как широко развернутый Гомером показ возвышенных и благородных чувств своего героя⁵⁹. И это толкование было бы вполне убедительным, если бы в нем не содержалась одна важная неточность. Ибо здесь не поэт показывает благородные чувства Гектора читателю, а Гектор сам демонстрирует их своим домашним. Более того, Гектор делает это по-актерски расчетливо, с явным намерением произвести шокирующий эффект. То обстоятельство, что о своей предстоящей гибели он говорит именно тогда, когда на его месте другой, менее эгоцентричный воин постарался бы успокоить взволнованную супругу, а через нее и младенца сына, что он, сверх того, ужасает их обоих: жену — тем, что искусно живописует ей картину ее будущего плена и рабства, доводя ее этим до слез, осушить которые не могут, конечно, произносимые якобы ради утешения, а на деле бессодержательные и высокопарные слова; сына — словно бы невзначай пугая гребнем своего шлема, внушающим страх даже закаленным в боях воинам⁶⁰, — наводит непредубежденного читателя на мысль, что Гектор не очень склонен верить во все, что он здесь говорит.

И в самом деле, позже Гектор высказывается о своем конце уже совсем иначе. Смертельно раненному им Патроклу, который пророчит ему близкую гибель от руки Ахилла, Гектор гордо возражает, что это еще не решенное дело, кому из них двоих — ему самому или Ахиллу предстоит раньше умереть⁶¹. Напротив, Ахилл, оказавшись в сходном положении и услышав от умирающего Гектора предсказание своей близкой гибели, говорит в ответ, что готов принять роковую участь тогда, когда это будет угодно богам⁶².

Сопоставление этих двух ответов делает отмеченное выше различие еще более отчетливым: если в ответе Гектора сказывается характерная для троянцев неистребимая склонность вытеснять тревогу и страх оптимистическими иллюзиями, которые в конечном счете толкают их к губительным шагам, то в ответе Ахилла дает о себе знать дух эпического героя, которому собственная жизнь менее дорога, чем долг и честь.

⁵⁸ VI, 390-496.

⁵⁹ Пожалуй, наиболее известным примером такой интерпретации является стихотворение Шиллера «Прощание Гектора» (1780).

⁶⁰ VI, 466-73.

⁶¹ XVI, 851-61.

⁶² XXII, 364-6.